

ЕЛЕНА ЧХАИДЗЕ
(Германия)

К вопросу развития типов понятия «ностальгия» в современных исследованиях

Счастье не действительность, а только
воспоминание: счастливыми кажутся нам
наши минувшие годы, когда мы могли
жить лучше, чем жилось, и жилось лучше,
чем живется в минуту воспоминаний.

Василий Ключевский

Социальные изменения и потрясения породили утопическую иллюзию идеализации прошлого, которая непосредственно связана с понятием «ностальгия». Статистически доказано, что ностальгические настроения наиболее распространены в эпохи социальных катаклизмов. Так было и в XVIII веке, и в XIX веке, и в XX-XXI-ом вв., что подтверждается фиксацией появления самого термина, а затем, постоянным обращением к нему, с привнесением новых оттенков значения. К нему в разные времена обращались психологи (Й. Хоффер, Верховитц, Такиус, Детхардинг, Картхойзер, К. Ясперс), философы (Новалис, Ж.-Ж. Руссо, П. Чаадаев, И. Кант, М. Шелер, Ф.Р. Анкерсми), историки (Д. Лоуэнталь, Т.Ахбе, П.Коок, Й.Байер), писатели ((описание «ностальгии» как чувства встречается уже в «Одиссее» Гомера в лирике Сапфо) И. Бродский, В. Набоков, И. Кабаков, А.Галич), кинорежиссёры (А.Тарковский, А.Хржановский), филологи (Р. Якобсон, Я.Старобинский, С. Бойм). Целью данной статьи является освещение изменения одного и того же понятия, в зависимости от эпохи и социального контекста.

До начала XX века «ностальгия» рассматривалась только в медицинском контексте, как психическое заболевание. В 1688 году швейцарский врач Йоханнес Хофер (Hofer 1688) ввёл в психологию слово «ностальгия», именно как медицинский термин. Слово состоит из двух греческих корней «nostos»-возвращение домой и «algia»-тоска, т.е. тоска по дому, которого больше нет, или, может быть, никогда не было. В диссертации Й.Хофера на тему «ностальгии» речь шла о заболеваниях швейцарских солдат, которые служили наёмниками вдали от своей страны, и о студентах, которые исцелялись вскоре после возвращения домой. Автор задавался вопросом: «Почему молодые швейцарцы так склонны к ностальгии, когда они выезжают за границу?» У солдат прослеживались потеря аппетита, сна и, даже, в некоторых случаях, случалась смерть от истощения. Причины болезни Й.Хофер видел в «постоянных вибрациях животных духов сквозь фибры среднего мозга, в котором сохраняются следы идей о родине». За работой Хофера последовало

большое количество трудов описывающих и изучающих ностальгию как душевное заболевание: Верховитц (1703), Такиус (1707), Детхардинг (1705), Картхойзер (1771).

В XIX веке после появления работы личного врача Наполеона I Д.Ж. Ларрея «О местонахождении и последствиях болезни тоски по родине» возобновился активный интерес к этому «заболеванию». Д.Ж.Ларрей утверждает, что «как у всех сумасшедших, так и у больных «тоской по родине» появлялись отклонения от норм сначала психических функций, затем функций чувств и произвольных движений. На пике психического помешательства больные видят на чужбине восхитительные картины родины, какими бы суровыми они на самом деле ни были» (Jaspers 1996: 16). И в середине XIX века понятие «ностальгия» обретает новый оттенок значения, которое сводится не к особой болезни, а к признаку или стадии патологического процесса, формы меланхолии.

«Медицинский» контекст сменяется на «философский» только в XX веке. Труд Ф. Эрнста «Vom Heimweh» (Ernst 1949), написанный после окончания II Мировой войны, в котором учёный обращается к работам Д.Ж.Хофера и подробно описывает возникновение слова и значение самого понятия «ностальгия», становится отправной точкой для широкого обращения к нему европейских исследователей. Но, именно, на конец 90-х гг. XX века приходится всплеск исследования феномена «ностальгия». Это обусловлено социо-политическими катаклизмами конца века, особенно, крушением разных политических режимов. Явно это прослеживается и в появлении новых названий-разновидностей «болезни»: империалистическая ностальгия, посткоммунистическая, которая включает в себя югостальгию или титостальгию, т.е. ностальгию по бывшей Югославии (Вајер 2011), остальгию, т.е. ностальгию по ГДР (Ahbe 2005), ностальгия в республиках бывшего СССР (Войт 2001), а также и постколониальную ностальгию (Д.Вальдер). Остановлюсь на них подробнее.

Дэнис Вальдер вводит название – «постколониальная ностальгия». Автор называет «ностальгию» курьёзным/любопытным путём, соединяющим границы индивидуального и национального вокруг исторического (Walder 2011: 1-2). Со слов Е. Хобсбаума, к которым присоединяется Вальдер, это «сумеречная зона» (Hobsbawm 1987) между историей и памятью. По Вальдеру, ностальгия начинается с желаемого и заканчивается правдой жизни, также, служит ключом к тому, что поможет понять: кто мы и что мы, в большей или меньшей степени. Выделив «постколониальную ностальгию» в отдельную группу, Д. Вальдер анализирует множество её форм, называя своей целью желание исследовать различные «постколониальные ностальгии» в зависимости от самобытности, от места рождения, от особенностей колониальной борьбы и от чувств, характерных для колонизаторов и для колонизованных. Автор считает, что разговор о единственной форме проявления «ностальгии» был бы не верным. (Walder 2011: 2-3). К такой мысли подтолкнуло учёного стремление к самоидентификации людей, а также их стремление понять роль и место своей Родины в контексте мировой истории, и, кроме того, колониальной борьбой, в которой есть всегда двое, в данном случае колонизаторы и колониализованные.

Антрополог Ренато Росальдо в монографии «Культура и истина: Переосмысление социального анализа» (Rosaldo 1993), основываясь на богатом опыте исследования «мультикультурализма» и «пограничья», обращается к теме «империалистической ностальгии». Он пишет, что колонизаторы, к которым принадлежали чиновники, военные, миссионеры и другие фигуры, впервые столкнувшись с культурой колонии и видоизменив её, часто демонстрировали ностальгию по изначальной колонизованной культуре, и ностальгия такого рода была «традиционной». «Империалистическая ностальгия» всегда вращалась вокруг парадокса: человек убивал кого-то и затем оплакивал жертву, кто-то сознательно изменял форму жизни, и затем сожалел, что ничего не осталось от прежнего состояния, состояния до вмешательства. Люди сначала разрушают свою окружающую среду, а затем они поклоняются первоначальной природе, т.е. тому, что уже разрушено и ушло в прошлое. По мнению Р.Росальдо, в любой из вышесказанных версий, империалистическая ностальгия использует позу «невинной тоски», чтобы захватить воображение народов и скрыть своё соучастие в часто зверском доминировании. Империалистическая ностальгия неразделима с особо специфическим смыслом миссии, заключающейся в бремени оцивилизовывания дикарей, возложенном на белых (Rosaldo 1993: 69-70).

Мария Тодорова обращается к «посткоммунистической ностальгии». В одномимённом сборнике статей («Посткоммунистическая ностальгия») она описала особенности вышеуказанной разновидности. Тодорова подчёркивает, что изначально термин «постсоветская ностальгия» использовался в журналистике, скорее всего, проходящей цензуру. И при анализе общества постсоциалистических стран сквозь призму ностальгии следует учитывать, что по разному «ностальгируют» в городе и сельской местности, люди разных поколений, полов и политической ориентации (Todorova 2012: 7).

В 2003 году на заседании ассоциации американских социологов, польские исследователи представили данные о симптомах ностальгии в Польше у людей среднего возраста со средним достатком. Большинство респондентов ностальгировали по социальной и финансовой стабильности, полной рабочей занятости, универсального здравоохранения и образования периода социализма. Кроме того, поводом для ностальгии служила «травма деинструализации». С социалистическим периодом связаны были воспоминания о индустриальных достижениях, модернизации, которыми гордились поляки. «Травма деинструализации» повлекла за собой алкогольную и наркотическую зависимости, феминизацию бедности. Память людей подвергшихся посткоммунистической ностальгии полностью деполитизировала прошлое, они не помнили о депрессиях и сталинизме. Отмечалась коллективная амнезия.

Кроме крупных вышеуказанных работ к «ностальгии» обращались и другие исследователи. Психолог А. Фенько писал о ностальгических переживаниях, вызванных разрывом с первичными узами (родным домом, детством, Родиной) и рассматривал эти основания через основной архетип ностальгии – архетип Блудного сына (Фенько 1993: 38-53). Линда Хатчеон в эссе «Ирония, ностальгия

и постмодерн», размышляя над новым статусом, который категории «ирония» и «ностальгия» приобрели в конце XX века, став ключевыми компонентами современной культуры, резюмирует, что современная культура ностальгична (Hutcheon 1995). Г. Зборовский говорил, что последние 10-15 лет социальной ностальгией пронизано российское общество и главную причину её возникновения он видел в «смене привычных ориентиров в переходном обществе» (Зборовский 2001: 32). В своё время, анализируя эпоху постмодерна, Фредерик Джеймисон называет ностальгическим всё современное медийное отношение к истории (Jameson 1989, 1991).

Следует назвать типы ностальгии, не связанные напрямую с политическими режимами. Например: бытийная и временная, пространственная и социальная (Грицанов, Мерцалов 1998), материнская (Huffer 1998), ретроспективная и рефлексивная (Воум 2001).

Каждый из учёных выделял свою особенность или ключевой «маркер» в этом явлении. В работе 1999 года «Ресентимент в структуре морали» Макс Шелер заметил, что «ностальгия», хотя автор использует слово «тоска», а на сегодняшний день в некоторых философских изданиях эти понятия не различаются, является способом побега из собственной эпохи. Он пишет следующее: «Присущая романтической душе тоска по какой-либо эпохе исторического прошлого (Эллада, Средневековье и т.д.) основывается в первую очередь не на притягательности для субъекта самобытных ценностей того времени, а на стремлении убежать из собственной эпохи. Поэтому в похвалах «прошлому» ощущается намерение принизить настоящее - окружающую субъекта действительность» (Шелер 1999: 48). А Ж. Старобинский в статье «The Idea of Nostalgia» определил «ностальгию» как «педантичный неологизм» (Starobinski 2004: 28).

Мне хотелось бы обратить внимание на ещё одно исследование. Американско-британский историк Д. Лоуэнталь не называет «ностальгию» целью своего исследования, но связи с прошлым он посвятил книгу «Прошлое - чужая страна» (1985). В ней автор замечает, что прошлое всегда интересует людей, и они обращаются к нему в разных формах, но исследований форм и особенностей обращения не достаточно, это и подвергло автора к исследованию: «Хотя прошлое интересует всех, явно недостаточное число работ в эксплицитной форме посвящено рассмотрению того, как люди в целом видят, оценивают и понимают прошлое. Мне известно не более полудюжины подобных исследований разного уровня и о достоинствах» (Лоуэнталь 2004: 28). Д. Лоуэнталь видит роль ностальгии не в предназначении демонстрации единства прошлого и настоящего, а в помощи сохранить и передать наследие прошлого. «Современная культура (то есть не только современная, но она больше других) занимается апроприацией «прошлого», превращает его в сберегаемое и адаптируемое к сегодняшним нуждам «наследие»». Ностальгия служит главным средством или проводником, с помощью которого можно познать прошлое и самого себя в нём. Д. Лоуэнталь в своей книге рассматривает иллюзию прошлого в трёх аспектах: психологические мотивы интереса к

прошлому, формы его познания (включая научное познание, которое называется историей) и формы его трансформации ради современных нужд. Анализируя художественную литературу, посвящённую путешествиям в прошлое, Д. Лоуэнталь выделяет пять основных мотивов: объяснение прошлого, поиски золотого века, наслаждение экзотикой, стремление воспользоваться плодами темпоральных замещений и ретроспективного знания, преобразование жизни, путем изменения прошлого. Автор утверждает, что в прошлом человек ищет: «узнаваемость и понимание», «подтверждение и удостоверение», «индивидуальная и групповая идентичность», «руководство», «обогащение», «бегство» (Лоуэнталь 2004: 86, 409-493).

Русский исследователь Е. Новиков попытался теоризировать и объяснить несколько интерпретаций смысла вкладываемого в слово «ностальгия» (Новиков 2006):

- В словаре Даля ностальгия толкуется следующим образом: «тоска по родине, как душевная болезнь», и лечилась она разными средствами от пива до опиума.
- Малодушие меланхолических «слюнтяев» возвышающих прошлые эпохи для принижения значимости реального времени, в котором они не смогли найти себя.
- Ностальгия не как тоска не по реальному прошлому, а тоска по несбывшемуся, по упущенным возможностям в прошлой жизни.
- Ностальгия как мифологизация прошлого, сочетание мифа и утопии, что делает этот термин политическим оружием.
- Для социологов, черта переходного общества, которое потерпело крушение привычных идеалов.

Ностальгию XX века Е. Новиков расценивает как пошлость, мещанство, косность. В истории Советского Союза он выделяет два периода, по его словам, озабоченности таким удовлетворением «потребности в ностальгии»: официальный – конец 1920-х годов («борьба со старым бытом»), и неофициальный – 1960-е годы (зарождение диссидентского движения, мода на романтическую профессию геолога, массовая распространенность турпоходов и др.).

А. Грицанов и А. Мерцалов, составители философского словаря, связывают формирование ностальгии с набором исторических трансформаций общества и человека (Грицанов 1998: 473): «осознание индивидуумами самих себя как специфических самостей..., превращение миграционных процессов вкупе с индивидуальным и коллективным освоением территорий обитания в постоянный фактор жизни многих людей» (Грицанов 1998: 473) и т.д. Исследователи выделяют 2 типа ностальгии «временной» и «бытийный». Первый тип «связан с самыми яркими событиями человеческой жизни, такими как: первая влюблённость, материнство и т.д. Второй тип включает в себя «пространственный» и «социальный». «Пространственная» ностальгия связана с предрасположенностью к определённым ландшафтам, пейзажам, облику времен года и т.д., а «социальная» связана с традиционным и первичным для человека, но утерянным им кругом человеческого и профессионального общения, эмоциональных и культурных привязанностей» (Меримерина 2009: 136).

О. Шабурова и С.Бойм связывали ностальгию с мифом, к тому же О. Шабурова соотносила с ностальгией ещё и утопию. По её мнению «ностальгия оказывается чрезвычайно сложным состоянием, соединяя в себе утопию совершенно особого рода, назовём её утопией с обратной проекцией, и она же представляет цельный мифообраз, так называемый ностальгический миф. Как утопическая структура, ностальгия явлена своим обращением и к месту, которого уже нет, и ко времени, которого уже нет. И одновременно ностальгия предстаёт как живой и тёплый клубок мифов...» (Шабурова 1996).

Американский филолог Светлана Бойм высказала иное предположение, что «ностальгия не всегда ретроспективна, она может обращаться просто к иным пространствам и другим временам. Ностальгия – это попытка повернуть время вспять, преодолеть необратимость его течения, превратить историческое время в мифологическое пространство» (Бойм 2002: 297), более того, она выделила несколько её функциональных особенностей:

1) политическую: ностальгия может стать оружием, мечом «с двойным лезвием, который обещая деполитизацию, становится любимым политическим оружием» (Бойм 2002: 77),

2) коммерческую: «Ностальгия - не враг современности, а ее составная часть. В XX веке ностальгия идет рука об руку с кичем, этим-то она себя и скомпрометировала. Ностальгия коммерциализируется и приватизируется, превращается в ассортимент сувениров, персонализируется на любой вкус. Даже виртуальное пространство не лишено пасторальной образности, не случайно появляется идея „глобальной деревни“ (а не глобального мегаполиса), и обитатель Интернета мнит себя не просто бездомным номадом, а гордым обладателем виртуального дома — *homepage* (Бойм 1999).

С. Бойм исследовала ностальгию исходя не из ощущений отдельного человека, а как характерную черту эпохи, «a historical emotion»: «Ностальгия и увлечение культурной памятью - отнюдь не национальная российская болезнь, а симптом эпохи» (Boym 2001: 26). Исследовательница назвала особенностью ностальгии, в отличие от меланхолии, связь биографии отдельного человека с биографией группы или целой нации, а также связь личной и коллективной памяти. Она пишет, что ретроспективная ностальгия о правде и традициях, а рефлексивная ностальгия – иронично называет абсолютную правду в сомнении. С. Бойм считает, что сама потребность в ностальгии исторична, т.к. в определенные переходные периоды истории она может быть защитной реакцией, поиском в прошлом той стабильности, которой нет в настоящем. В такие моменты прошлое начинает обладать большей харизмой, чем будущее, и иногда оказывается более непредсказуемым. С другой стороны, ностальгия в сочетании с рефлексией помогает расширить горизонт ожидаемого, вспомнить о другом времени, о потенциях, не реализованных в настоящем и попробовать подойти к истории нетелеологично (Бойм 2002: 297).

М. Меримерина, переклакаясь с мнением американской исследовательницы, назвала ностальгию социальным феноменом, пронизывающим все сферы жиз-

недеятельности личности и общества и готовым стать оружием, способным манипулировать массовыми настроениями для более продуктивного управления государством (Меримерина 2009: 136).

Линне Хаффер в своей книге «Материнское прошлое, феминистское будущее: ностальгия, этика и вопрос о различии» (Huffer 1998) говорит о ещё одной модели ностальгии - материнской, и утверждает, что англо-американская феминистская теория была построена на этой модели, в которой женское полномочие представлялось как возвращение к матери.

Из выше приведённого материала, напрашивается вывод о том, что понятие «ностальгия» прошло длинный путь изменения: от «медицинского» термина до философской категории. Особую актуальность среди литературоведов, культурологов, социологов оно обрело во второй половине XX века. Характерными для вышеупомянутого периода стали «ностальгии», связанные с тем или иным политическим режимом, географическим пространством и временной средой, что было не характерно для ранних эпох, в которых ностальгия, большей частью, связывалась с физическими недугами человека.

Литература:

- Ahbe, Thomas. *Ostalgie. Zum Umgang mit DDR-Vergangenheit in den 1990er Jahren*, 2005.
- Bojm, S. *Konec nostalgiji*. М. NLO, 1999, N39. (Бойм, С. *Конец ностальгии*. М., НЛО, 1999, №39).
- Boym, S. *Obshchije mesta*. М., 2002 (Бойм, С. *Общие места*. М., 2002).
- Boym, S. *The future of nostalgia*, 2001.
- Ernst, F. *Vom Heimweh*. Zürich, 1949.
- Fenjko, A. *Nostalgija*. Chelovek. 1993, №6. (Фенько, А. *Ностальгия*. Человек, 1993, №6).
- Gricanov, A. *Nostalgija*. In: *Novejšij filozofskij slovarj*. М., 1998. (Грицанов, А. *Ностальгия*. В: *Новейший философский словарь*. М., 1998).
- Hobsbawm, E.J. *The age of empire, 1875-1914*. Pantheon Books, 1987.
- Hofer, J. *Dissertatio medica de nostalgia*. Basel, 1688.
- Huffer, L. *Maternal Pasts, Feminist Futures: Nostalgia, Ethics, and the Question of Difference*. Stanford, 1998.
- Hutcheon, L. *A poetics of postmodernism. History, theory, fiction* / L. Hutcheon. New York; London Routledge: University Printing House, 1995.
- Jameson F. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC: Duke UP, 1991.
- Jameson. F. *Nostalgia for the Present*. In: *The South Atlantic Quarterly*. 1989. N2 (88)
- Jaspers, K. *Sobranie sočinenij po psihopatologii*. М.- St.Peterburg, 1996. (Ясперс, К. *Собрание сочинений по психологии*. М.-СПб., 1996).
- Josefina Bajer. *YU-Nostalgie in Slowenien: Das Phänomen der Nostalgie als Produkt der Transformation*. 2011.
- Lowenthal, David. *Proshloje – chuzhaja strana*. Sankt-Peterburg, 2004. (Лоуэнталь, Д. *Прошлое – чужая страна*. СПб., 2004).
- Lowenthal, David. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge University Press, 1985.

- Merimerina, M. *Fenomen nostalgii v teoreticheskom prostranstve sozio-gumanitarnykh nauk*. Aspirantskij vestnik Povolzh'ja, N1-2, 2009 (Меримерина, М.А. *Феномен ностальгии в теоретическом пространстве социо-гуманитарных наук*. Аспирантский вестник Поволжья. 2009, №1-2).
- Novikov, E. *Liki nostalgii*. Chelovek. 2006. N3. (Новиков, Е. *Лики ностальгии*. Человек, 2006, №3).
- Novikov, E. *Nravstvennyj smysl nostalgii*. M., 2009. (Новиков, Е. *Нравственный смысл ностальгии*. М.: 2009).
- Rosaldo, R. *Culture and Truth: The Remaking of Social analysis*. London, 1993.
- Shaburova, O. *Nostalgija: cherez proshloje k budushchemu*. Sociumy. 1996, N5. (Шабурова, О. *Ностальгия: через прошлое к будущему*. Социумы, 1996, №5).
- Sheler, M. *Ressentiment v structure morali*. St.-Petersburg, 1999 (Шелер, М. *Рессентимент в структуре морали*. СПб, 1999).
- Starobinski, J, Kemp W.S. *The Idea of Nostalgia*. Diogenes, June, 1966. S. 85.
- Todorova, M., Gille, Zs. *Post-communist nostalgia*, 2012.
- Walder, Dennis. *Postcolonial nostalgias: writing, representation and memory*. New York: 2011.
- Zbrovskij, G. Shirokova, E. *Social'naja nostalgija: k issledovaniju fenomena*. Socialogicheskije issledovanija, 2001, N8. (Збровский, Г., Широкова, Е. *Социальная ностальгия: к исследованию феномена*. Социологические исследования, 2001, №8).

Elena Chkhaidze
(Germany)

Towards the Development of Meanings of the Concept “nostalgia” in Modern Research

Summary

Key Words: Nostalgia, Ostalgie, Yugo-nostalgia, Post-communist nostalgia, Post-colonial nostalgias, Imperial nostalgia.

The meaning attached to the notion of “nostalgia” has been changing according to the epochs and social context. The given article discusses the types of meanings of the notion in question from its emergence to present. The word “nostalgia” originally emerged as medical term in psychology, in the 17th c. and was mainly associated with the works of a Swiss doctor Johannes Hofer. The word consists of two roots of Greek origin: “nostos” (a returning home) and “algia” (pain; sadness), i.e. sadness from a longing for home, which no longer exists, or, perhaps, has never existed at all.

It was only in the 20th c., thanks to F. Ernst’s book “Vom Heimweh” (1949), when the “medical” context was changed into a “philosophical” one. Due to the social cataclysms of the 20th c. the concept of “nostalgia” attracted the attention of many scholars in the second half of the century. As a result new types of the concept have been introduced: Postcolonial nostalgia (Dennis Walder), Imperial nostalgia (Renato Rosaldo), Post-communist nostalgia (Maria Todorova). After the collapse of the communist system emerged

the notions of “Oststalgia” (Uwe Steimle), i.e. the nostalgia for living in GDR (Ost Germany in the given case); “Yugonostalgia” – the nostalgia for Yugoslavia or “Titostalgia” – the nostalgia for living under the rule of Josip Broz Tito in Yugoslavia.

Referring to the post-communist nostalgia, it would be of interest to note, that in the year 2003 at a meeting of the Association of American sociologists Polish researchers presented data on the symptoms of nostalgia in Poland among middle aged citizens with an average income. The majority of the interviewed were feeling nostalgic for the social and financial stability, full-time employment, universal health service and the educational system of the Socialist period. Apart from that, “the trauma of deindustrialization” served as one of the causes of nostalgia. The memories of industrial achievements and the process of modernisation, of which the Polish were so proud, are mainly associated with the Socialist period. “The trauma of deindustrialization”, in its turn, caused alcohol and drug addiction, as well as the feminization of poverty. The memory of people affected by the post-communist nostalgia had completely depoliticized the past, they did not remember about the depressions and Stalinism. There was a collective amnesia.

For instance, D. Walder analyzes numerous forms of nostalgia in an attempt to study various “post-colonial nostalgias” from the standpoints of originality, place of birth, peculiarities of the colonial struggle and of the feelings, characteristic of a colonizer and colonized. The author claims, that it would be incorrect to talk about a single form of manifestation of nostalgia.

Describing the “imperialist nostalgia” Renato Rosaldo says, that it has always revolved around a paradox: a man kills someone and then mourns the victim, someone deliberately alters a form of life, and then regrets that nothing is left of the former state, the state before the intervention. Humans first destroy their environment, and then they worship the original nature, i.e. what has already been destroyed and gone.

Apart from that, there appeared definitions of types of nostalgia directly unrelated to social or historical changes: Maternal nostalgia ((Lynne Huffer), existential and temporal, spatial and social nostalgia (A. Gritsanov, A. Mertsalov).

An American researcher Svetlana Boym in her book “The Future of Nostalgia”, attempting to understand the functional peculiarity of retrospective and reflective nostalgia, observed the political and commercial function of nostalgia. One of the central works related to the exploration of nostalgia as a phenomenon of contemporaneity is a book by David Lowenthal “The Past Is a Foreign Country”, where he treats “nostalgia” as a constituent of the concept of “past”.

Relying on the review of changes of types of the concept “nostalgia” it is possible to trace the reflection of society and its attitude towards the past.

ელენა ჩხაიძე
(გერმანია)

„ნოსტალგიის“ კონცეპტის მნიშვნელობათა განვითარებისთვის თანამედროვე კვლევებში

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: ნოსტალგია, ოსტალგია, იუგო-ნოსტალგია, პოსტკოლონიური ნოსტალგია, იმპერიული ნოსტალგია.

მნიშვნელობა, რომელიც უკავშირდებოდა „ნოსტალგიის“ ცნებას, იცვლებოდა ეპოქებისა და სოციალური კონტექსტის შესაბამისად. მოცემულ სტატიაში მიმოხილულია ამ ცნების მნიშვნელობათა ტიპები იმისდა მიხედვით, თუ როგორ მჟღავნდება ისინი დღეს. სიტყვა „ნოსტალგია“, საზოგადოდ, არის სამედიცინო ტერმინი, რომელსაც ფსიქოლოგიაში მე-17 საუკუნეში იყენებდნენ და, ძირითადად, ასოცირდებოდა შვედი ექიმის, იოჰანეს ჰოფერის სახელთან. სიტყვა შედგება ბერძნული წარმოშობის ორი ფუძისგან: „ნოსტოს“ (შინ დაბრუნება) და „ალგია“ (ტკივილი, სევდა). ე.ი. „ნოსტალგია“ აღნიშნავს იმ სახლთან განშორების სევდას, რომელიც აღარ არსებობს, ან, საერთოდაც, არ უარსებია.

მხოლოდ მე-20 საუკუნეში, ფ. ერნსტის ნიგნის „Vom Heimweh“ (1949) წყალობით „სამედიცინო“ კონტექსტი „ფილოსოფიური“ შეიცვალა. მე-20 საუკუნის სოციალური კატაკლიზმების შესაბამისად, „ნოსტალგიის“ ცნებას ყურადღება ბევრმა მეცნიერმა მიაქცია. შესაბამისად, გაჩნდა ამ ცნების არაერთი ტიპი: პოსტკოლონიური ნოსტალგია (დენის უალდერი), იმპერიული ნოსტალგია (რენატო როსალდო), პოსტ-კომუნისტური ნოსტალგია (მარია ტოდოროვა). კომუნისტური სისტემის კოლაფსის შემდეგ გაჩნდა ცნებები „ოსტალგია“ (უვე სტიმლე), ანუ ნოსტალგია გერ-ზე (ასო O-თი აღინიშნება Ost Germani, ანუ აღმოსავლეთ გერმანია); „იუგონოსტალგია“ – იუგოსლავიის ნოსტალგია, ან „ტიტოსტალგია“ – ნოსტალგია იოსიფ ბროს ტიტოს მმართველობის ქვეშ იუგოს-ლავიაში ცხოვრებისა და ა.შ.

პოსტ-კომუნისტურ ნოსტალგიასთან დაკავშირებით საინტერესოა აღინიშნოს, რომ 2003 წელს ამერიკელ სოციოლოგთა ასოციაციასთან შეხვედრის დროს პოლონელმა მეცნიერებმა წარმოადგინეს ნოსტალგიის სიმპტომთა ჩამონათვალი შუახნის ასაკისა და საშუალო შეძლების პოლონელ მოსახლეობას შორის. გამოკითხულთა უმრავლესობა განიცდიდა ნოსტალგიას სოციალური და ფინანსური სტაბილურობის, დასაქმების, საყოველთაო ჯანმრთელობის დაცვისა და განათლების სისტემის მიმართ, რომლებიც სოციალიზმის დროს ჰქონდათ. ამას გარდა, ნოსტალგიის ერთ-ერთ ძირითად მიზეზად სახელდებოდა „დეინსტრუალიზაციის ტრავმა“. მოგონებები მრენველობის სფეროსა თუ მოდერნიზაციის პროცესში მიღწევებზე, რომლებითაც პოლონელები ესოდენ ამაყები იყვნენ, ძირითადად, ასოცირდებოდა სოციალიზმის ეპოქასთან. „დეინსტრუალიზაციის“ ტრავმამ, თავის მხრივ, გამოიწვია ალკოჰოლზე და ნარკოტიკებზე დამოკ-

იდებულება, ისევე როგორც სიღარიბის ფემინიზაცია. ადამიანების მეხსიერებამ, რომელზეც აისახა პოსტ-კომუნისური ნოსტალგიის კვალი, მოახდინა წარსულის დეპოლიტიზირება. ხალხს აღარ ახსოვდა დეპრესიები და სტალინიზმი. ჩამოყალიბდა ე.წ. კოლექტიური ამნეზია.

მაგალითად, დ. უოლდერი აანალიზებს ნოსტალგიის მთელ რიგ ფორმებს, რათა შეისწავლოს „პოსტ-კოლონიური ნოსტალგია“ წარმომავლობის, დაბადების ადგილის, კოლონიური ბრძოლისა და იმ გრძნობების კუთხით, რომლებიც დამახასიათებელი იყო კოლონისტისა და კოლონიზირებულისთვის. ავტორი აღნიშნავს, რომ არასწორი იქნება ვისაუბროთ ნოსტალგიის გამოვლენის მხოლოდ ერთ ფორმაზე.

„იმპერიალისტური ნოსტალგიის“ აღწერისას რენატო როსალდო ამბობს, რომ ის ყოველთვის უკავშირდებოდა პარადოქსს: კაცი კლავს ვიღაცას და შემდეგ გლოვობს თავის მსხვერპლს, ზოგიერთი შეგნებულად იცვლის ცხოვრების ფორმას, შემდეგ კი დარდობს იმაზე, რომ ძველი ყოფიდან აღარაფერი დარჩა. ადამიანები ჯერ ანადგურებენ იმ გარემოს, რომელშიც ცხოვრობენ, შემდეგ კი თავყვანს სცემენ მას, ანუ იმას, რაც უკვე განადგურებულია და აღარასოდეს დაბრუნდება.

ამას გარდა, ჩნდება ნოსტალგიის ტიპების სხვადასხვა დეფინიცია, ნოსტალგიისა, რომელიც არ უკავშირდება სოციალურ თუ ისტორიულ ცვლილებებს. ესენია: მატერიალური ნოსტალგია (ლინ ჰუფერი), ეგზისტენციური, სივრცული და სოციალური ნოსტალგია (ა. გრიტსანოვი, ა. მერტსალოვი).

ამერიკელმა მეცნიერმა სვეტლანა ბოიმმა თავის წიგნში „ნოსტალგიის მომავალი“, რეტროსპექტული და რეფლექტური ნოსტალგიის ფუნქციონალური სპეციფიკურობის გასაგებად, შეისწავლა ნოსტალგიის პოლიტიკური და კომერციული ფუნქცია. მისი ერთ-ერთი უმთავრესი ნაშრომი, რომელიც უკავშირდება ნოსტალგიის, როგორც თანამედროვეობის ფენომენის კვლევას, არის დევიდ ლოვენტალის წიგნი „წარსული არის უცხო ქვეყანა“, რომელშიც ავტორი განიხილავს ნოსტალგიას, როგორც „წარსულის“ კონცეპტის ერთ-ერთ კომპონენტს.

ნოსტალგიის ცნების ტიპების ცვლილებებზე დაკვირვებით შესაძლებელია თვალი მივადევნოთ საზოგადოების როლს და მის დამოკიდებულებას წარსულისადმი.